На правах рукописи

Дробышев Артем Владимирович

ФЕНОМЕН КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕКСТУАЛИЗАЦИИ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ В УРАЛЬСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

5.10.1 Теория и история культуры, искусства

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата культурологии

Челябинск, 2026

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Челябинский государственный институт культуры».

Научный руководитель:	**Зубанова Людмила Борисовна**, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры философии и культурологии ФГБОУ ВО «Челябинский государственный институт культуры».
Официальные оппоненты:	**Гудова Маргарита Юрьевна**, доктор культурологии, доцент, заведующий кафедрой истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»;
	Николаева Анастасия Борисовна, доктор философских наук, доцент, доцент кафедры политологии, социально-гуманитарных дисциплин и иностранных языков ЧУОО ВО «Омская гуманитарная академия».
Ведущая организация:	федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург).

Защита состоится 27 ноября 2026 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета 23.2.026.01, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Челябинский государственный институт культуры» по адресу: 454091, г. Челябинск, ул. Орджоникидзе, 36а, 1 корпус, ауд. 206 (конференц-зал).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Челябинского государственного института культуры (http:// chgik.ru/).

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат культурологии, доцент Тарасова Юлия Борисовна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Культура, интерпретируемая с позиции нормативно-регулятивной теории, может пониматься как своего рода программа, генерирующая и реализующая различные системы норм, правил и образцов поведения, которые обеспечивают наиболее целостную и продуктивную совместную жизнедеятельность той или иной общности людей. В широком спектре культурных форм особое место всегда занимало искусство различных направлений и жанров.

Как писал Л.Н. Толстой в своем знаменитой эссе «Что такое искусство?», искусство есть сердцевина культуры. Искусство, в отличие от других форм культуры обладает наиболее сильным эмоциональным вовлечением и эстетическим воздействием на человека посредством множества выразительных средств: художественных образов, красок, композиции, ритма, гармонии т.д. Оно формирует базовые представления о добре и зле, свободе и справедливости, храбрости и трусости в том или ином сообществе людей с самого раннего детства. В данном отношении искусство непосредственно взаимообусловлено жизнью людей.

Характер отношения искусства и жизни в различные культурные эпохи, по мнению ученых, может в значительной степени отличаться. Важной в этом ракурсе оказывается работа Ю.М. Лотмана «Искусство жизни», в рамках которой знаменитый семиотик и культуролог обозначал принципиальное отличие в характере отношений между искусством и действительной жизнью людей в период классицизма, романтизма и реализма. В первом случае, согласно ученому, искусство и действительная жизнь людей никак не соприкасаются: характер происходящего на театральной сцене ограничивается только этой сценой и никоем образом не воздействует на поведение людей этой эпохи.

Другая ситуация связана с эпохой романтизма, когда искусство задает общий тон времени и программирует фактически театральный тип поведения людей в их реальной жизни, в быту и других сферах деятельности. Период реализма по Лотману зеркален и характеризуется, главным образом, влиянием действительной жизни людей на характер самого искусства. В эпоху модернизма – и в отечественной среде символизма (начало XX века) – искусство сращивается с жизнью, но на этот раз не всего общества, а только самого художника. Именно в это время возникает понятие *жизнетворчества*.

Настоящий момент может быть охарактеризован особым влиянием не просто искусства на жизненный мир общества, людей, но в не меньшей степени (а, может быть, и гораздо большей) влиянием фигуры самого автора, творца и художника в самом широком плане. Важное значение для осмысления этого момента имеет понимание специфики

антропологического поворота, глобализационных процессов, цифровизации и компьютеризации практически всех сфер человеческой деятельности. С появлением интернета и социальных сетей, особенно в последние годы, наблюдается общая тенденция повсеместного транслирования своей судьбы (как правило, тщательно отобранных её эпизодов) и документирования жизненного пути (также в фрагментарном виде) на широкую аудиторию.

Если искусство по Л.Н. Толстому есть сердцевина культуры, то сердцевиной самого искусства, по мнению многих авторитетных исследователей, критиков и самих творцов, может считаться ***поэзия***. Поэзия в самом широком смысле (режиссер-поэт, писатель-поэт) и в более узком специальном понимании как сопряжение творческой деятельности именно с формой стихосложения и стихотворной речи/письма.

«Удельный вес» поэзии в культуре общества обусловливает и объясняет особую роль поэта-автора, а также его судьбы, жизненного пути, различных выборов, решений, поступков, реакций и суждений по поводу социальных, культурных, политических событий. Так, сама судьба поэта транслирует важнейшие смыслы для общества, которым личность этого поэта признается выдающейся. В этом ракурсе память о судьбе такого поэта оберегается народом в не меньшей степени, чем его творческое наследие и, более того, не мыслится отдельно от него. Судьба А.С. Пушкина и сюжет трагической дуэли оказывается не менее востребованным, чем его поэтические и прозаические произведения. В этом отношении поэт прошлого становится выразителем национального менталитета, общенародных воззрений на мир, общество, культуру. В широком смысле поэт транслирует общенациональные ценности, чаянья, боль и гнев этого народа. Трансляция такого типа происходит не только сквозь призму творчества, но и на уровне восприятия его судьбы, жизненного пути как особого, уникального и одновременно универсального, то есть свойственного образу мысли того общества, которому этот поэт принадлежит.

Собственно, судьба и жизненный путь поэта никогда не явлены как таковые. Они отражены в различных текстах: книгах, воспоминаниях, мемуарах, автобиографиях, биографиях, художественных и документальных фильмах. В этом отношении судьба поэта воспринимается как сложный и многосоставной объект. Интерес к материалам жизни национального поэта с нашей точки зрения может быть обусловлен несколькими наиболее существенными причинами:

1) В первую очередь, непосредственным интересом широкого читателя к деталям поведения, стиля, привычек и вообще к бытовому «приземленному» существованию поэта-автора. Такой интерес в большинстве случаев удовлетворяется посредством популярных и доступных для восприятия книг-биографий, различного рода фильмов и

телевизионных передач, а также научно-популярных лекций, ориентированных на соответствующую аудиторию.

2) Второй аспект связан с историческими изысканиями ученых, чьей целью является либо уточнение того места, которое занимала фигура поэта в конкретных исторических событиях, его влияние на них и культурно-историческую эпоху – и наоборот. В этом случае судьба поэта рассматривается в контексте большой истории, эпохи, страны, какого-либо литературного движения, направления, объединения и – в широком смысле – литературного процесса.

3) Если второй случай тесно связан с историческими и литературоведческими аспектами, то третий может быть обусловлен преимущественно филологическими изысканиями. В этом случае биография не встраивается в широкий контекст исторических событий как в предыдущем примере, но сама становится таким контекстом, который служит большему пониманию разного рода деталей и нюансов в поэтических текстах автора, выявлении биографических отсылок в содержании стихотворений либо напротив – намеренной авторской мифологизации своей жизни.

4) Наконец, четвертый случай связывается нами с исследованием того, какое ценностно-нормативное влияние оказывает судьба поэта на современное общество. Последний случай является преимущественно интересом культурологических изысканий. В отличие от исторического исследования, стремящегося ликвидировать искажение в биографии поэта, изыскания культурологического характера, напротив, интересуют не только эти искажения, но и природа их возникновения, сущность трансформации исторических данных, процесс стихийной, несанкционированной мифологизации жизненного пути поэта. И, главным образом, приращение культурных смыслов к тексту биографии национального поэта.

Реально существовавшая или существующая судьба поэта, спаянная, сцепленная с её же поэтическим образом, формирует нечто третье, синтез – уже не саму судьбу поэта и не её художественно-поэтическое отображение, но ***«текст судьбы»*** (миф жизненного пути поэта), который с одной стороны является важным элементом, частью и даже подуровнем поэтосферы в широком смысле её понимания, а с другой – кладётся в основание общего культурного мифа того или иного народа, нации, группы людей и т.д.

На наш взгляд, традиционная методология, ориентированная на анализ вербальных текстов, оказывается не всегда эффективной при работе с такими объектами, как поступок, событие, жизненный путь, судьба. Это делает особенно актуальной разработку междисциплинарных подходов, позволяющих «переводить» эти феномены в анализируемую текстовую плоскость. В данной работе в качестве такого инструментария

предлагается концепт «культурологическая текстуализация», который понимается не просто как сумма методов, а как целостный процесс и мыслительная операция, дающая исследователю возможность «схватывать» и интерпретировать любые культурные объекты, наделяя их «презумпцией интерпретируемости» (В.З. Демьянков).

Усиливает актуальность проблематики, на наш взгляд, обращение к региональным культурным кодам. При этом культурный код региона не сводится к набору географических или этнографических маркеров; он представляет собой глубинный ценностно-смысловой каркас, своеобразную «матрицу» норм и образцов поведения, которая пронизывает все уровни культуры. Урал, как пограничный регион, с его уникальной историей горнозаводской цивилизации и богатейшим фольклорным наследием, является идеальной «лабораторией» для выявления и декодирования таких культурных матриц. Наиболее рельефно этот код проявляется в мифологии, фольклоре и, как следствие, в художественной словесности. Прочтение жизненного пути современных уральских поэтов позволяет увидеть в биографии конкретной личности отражение универсальных архетипических моделей. Это дает возможность не просто интерпретировать биографический материал, но и выявить те нормативные категории, которые являются ядром идентичности и отвечают на фундаментальные вопросы существования человека.

Таким образом, актуальность работы определяется: необходимостью разработки новых методологических инструментов (культурологической текстуализации) для анализа сложных нематериальных объектов культуры; востребованностью исследования региональной идентичности на основе выявления глубинных культурных кодов; важностью осмысления феномена поэта и его судьбы как концентрированного выражения этих культурных смыслов, что в совокупности позволяет создать верифицируемую модель декодирования «текста судьбы» и апробировать ее на материале уральской поэтической культуры.

Степень научной разработанности проблемы. Исследование опирается на обширный корпус научных трудов, которые структурированы по нескольким тематическим блокам, каждый из которых представляет собой необходимый этап в обосновании авторской концепции.

Первый блок составляют работы, посвященные *философско-методологическим основаниям теории текста*, так как именно текст является «первичной данностью» (М.М. Бахтин) гуманитарного знания. Фундаментальное значение имеют труды М.М. Бахтина, который определил текст как диалогическую реальность, и Ю.М. Лотмана, рассмотревшего культуру как семиосферу, а текст – как сложное семиотическое образование. Анализ современных лингвистических подходов опирается на работы И.Р. Гальперина (определение текста через

завершённость и прагматическую установку), Н.С. Болотновой (систематизация теории текста в широком и узком смыслах), Л.Г. Бабенко (филологический анализ текста), Ю.В. Казарина, В.И. Арнольд, О.С. Ахмановой, М.А. Кардановой, Л.М. Лосевой, разрабатывавших различные аспекты текстовой организации. Эти исследования показывают, что, несмотря на длительную историю изучения, понятие «текст» остается дискуссионным, что требует его дальнейшей концептуализации и дифференциации, особенно при переходе от лингвистики к культурологии.

Второй блок посвящен *эволюции научных представлений о тексте в истории философии и науки* (от античности до постнеклассики). В данном вопросе диссертант опирается на периодизацию В.С. Степина. В доклассический период (от софистов – Протагора, Горгия, Продика – и Аристотеля до Аврелия Августина) были заложены основы грамматики, риторики и экзегетики, а также впервые артикулирована проблема многослойности текста (Ориген, Августин). Здесь следует отметить работы александрийской филологической школы (Зенодот Эфесский, Аристарх Самофракийский, Аристофан Византийский), заложившие основы текстологии. Классический этап связан с революцией Ф. Шлейермахера, создавшего универсальную герменевтику и метод герменевтического круга, что позволило выйти за пределы сакральных текстов и рассматривать любой текст как абстрактный объект. Его идеи развили В. Дильтей, распространивший герменевтику на все «науки о духе», и Э. Бетти, разработавший теорию интерпретации как «смыслосодержащей формы». В неклассический период (конец XIX – середина XX вв.) текст оказался «в тени языка»: в аналитической философии (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, Р. Карнап, Венский кружок) он понимался как ряд предложений для логического анализа; в континентальной философии (М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр) – как «дом бытия» и объект герменевтического опыта; в структурализме (Ф. де Соссюр, Р. Якобсон, Л. Блумфилд, Э. Сепир, К. Леви-Стросс) – как материал для выявления структур языка. Этот обзор показывает, что только в постнеклассической науке (вторая половина XX в.) текст становится самостоятельным объектом изучения, что подтверждается работами Н.С. Поспелова (доказавшего сверхфразовую природу текста), Р. Барта (провозгласившего «смерть автора»), Ю. Кристевой (введшей понятие интертекстуальности), и формированием общей теории текста (И.Р. Гальперин, Н.С. Болотнова). Данный историко-философский экскурс был необходим, чтобы показать логику перехода от текста как материала к тексту как методологическому концепту, что является базой для введения понятия «текстуализация».

Третий блок охватывает *современные подходы к анализу текста* в смежных дисциплинах, которые демонстрируют тенденцию к расширению границ текста. В когнитивистике (Дж. Миллер, Т.В. Черниговская, Петербургская психолингвистическая школа Л.В. Сахарного и А.С.

Штерна) текст исследуется как динамический процесс порождения и восприятия, включаются ненормативные и мультимодальные тексты, разрабатываются онлайн-методы (айтрекинг). В корпусной лингвистике (М.В. Копотев, А.И. Левинзон, В.П. Захаров) текст предстает как часть корпуса, организованного для удобства изучения, а не чтения, что предполагает разметку, репрезентативность и сбалансированность. В исторической текстологии (И.Н. Данилевский, Д.С. Лихачев, С.Н. Азбелев) текст понимается как любое высказывание в вербальной, визуальной или материальной форме, а методы работы включают установление текста, сличение, реконструкцию и анализ ретроспективной информации. В.Н. Топоров разработал концепцию «городского текста» («Петербургский текст»), что стало методологическим прорывом для многих региональных исследований. Представленный блок исследований демонстрирует, что в современных гуманитарных науках наблюдается тенденция к «текстуализации» любых объектов исследования, что создает концептуальные предпосылки для формирования категории «культурологическая текстуализация» как междисциплинарного приема.

Четвертый блок составляют работы по *культурологической интерпретации феномена текстуализации*. Здесь необходимо выделить исследования, в которых термин используется имплицитно: О.А. Лавренова и В.В. Филиппова (текстуализация топонимического пространства), Б.Я. Мисонжников (текстуализация мобилизационных технологий), М.А. Петинова (текстуализация музыкальной культуры). Наиболее детально процесс текстуализации как объективации смысла в художественном тексте исследован И.П. Лапинской (на материале тропов у И.А. Бунина), которая выделяет различные этапы и пути этого процесса. В искусствознании К.М. Комаров рассматривает текстуализацию телесности в поэмах В.В. Маяковского, а Ю.А. Дрейзис – текстуализацию звучания в устной китайской поэзии. А.А. Марданов фиксирует стратегию «сплошной текстуализации» в прозе М. Брэдбери.

В философском ключе к проблеме текстуализации обращается И.А. Семакина, рассматривая категорию бытия как текст. Однако, как показывает анализ, в большинстве представленных работ дефиниция текстуализации не устанавливается эксплицитно, а понятие определяется только исходя из внутреннего контекста. Отсутствует целостная концепция текстуализации именно как культурологического метода, что делает необходимым самостоятельное формирование данного концепта в рамках диссертации.

Пятый блок связан с *анализом судьбы и жизненного пути как текста культуры*. Классическими здесь являются труды Ю.М. Лотмана, который показал, как литературные образцы (театр, поэзия) вторгаются в бытовое поведение и формируют «пьесу судьбы» (на материале XVIII – начала XIX вв.), а также А.М. Эткинда, проанализировавшего эпоху

Серебряного века через оппозицию «Текст как жизнь – Жизнь как текст». Т.И. Ерохина развила эти идеи, рассматривая личность символиста как текст и метатекст символизма. А.Б. Николаева исследует феномен текстуальности научной биографии, включая ее в контекст интертекстуальности и интерсубъектности. М.В. Загидуллина разрабатывает концепцию «пушкинского мифа», показывая диалектику становления «текста судьбы» национального поэта. В работах И. Паперно, А. Лаврова, З. Минц анализируется жизнетворчество символистов как сознательное конструирование своей биографии по литературным образцам. Н.О. Осипова прямо утверждает, что текстом может быть все что угодно – и жизнь человека, и его поведение. Представленные работы доказывают, что подход к человеку как к тексту («читать человека как книгу») является продуктивным и устоявшимся в культурологии, однако он редко применяется системно к фигуре поэта в контексте региональной мифологии, что и составляет одну из исследовательских задач данной работы.

Шестой блок представляет собой *исследования культурных кодов и региональной идентичности.* В теоретическом плане диссертант опирался на работы Р. Барта, У. Эко, Ю.М. Лотмана, а также отечественных семиотиков Е.Л. Березович, С.М. Толстой, Н.В. Букиной, Н.Н. Изотовой, И.В. Сульдиковой, где культурный код определяется как система знаков, ключ к смысловой интерпретации, функционирующая как культурная память. Отдельное место занимает диссертация Т.В. Болдыревой, где культурный код рассматривается как система знаков, обусловленная «метарассказами» эпохи, и Ф.Н. Новикова, понимающего культурный код как язык культуры. Весьма важными оказались работы М. Ю. Гудовой и Юань Мэнмэн, исследующих концепт культурного кода, уровни его представленности и культурный код бестиария, проводя семиотическую параллель между русской и китайской культурами. Н.А. Симбирцева разрабатывает иерархию «Текст культуры – культурный текст – артефакт», что становится для нас базовой понятийной схемой. С.Б. Переслегин и К. Рапай предлагают трактовку культурного кода как алгоритма выживания нации и глубинных детских впечатлений соответственно. В прикладном аспекте для нас были важны работы Г.Б. Здановича (археологический дискурс Аркаима) и М.П. Никулиной (поэтическая репрезентация уральской мифологии), а также Ю.В. Казарина и Е.А. Смышляева, систематизирующих поэтическую культуру Урала по поколениям. Значительный вклад в осмысление уральского мифа вносит творчество П.П. Бажова, чьи сказы рассматриваются как квинтэссенция региональной мифологии (И.А. Дергачев, Л.И. Скорино, Г. Цеплаков). Однако существующие исследования культурных кодов, как правило, либо лингвоцентричны, либо этнографичны и, на наш взгляд, не всегда предлагают целостную культурологическую модель декодирования

сложных нематериальных текстов (таких как судьба поэта) через параллельный фольклорный корпус.

Седьмой блок составляют *исследования поэзии и поэтосферы*. Работы В.Н. Топорова о «поэтосфере» как слиянии поэтического и реального в географическом локусе задают концептуальную рамку для понимания региона как текста. Е.В. Кузнецова развивает понятие поэтосферы как комплекса образов и мотивов, на основе которых формируется культурный миф. Исследования Б.Б. Рыжего, Р.Л. Тягунова, А.Л. Решетова, М.П. Никулиной в работах И. Фаликова, О. Дозморова, К. Гашевой и других авторов создают эмпирическую базу для анализа, но, как правило, сосредоточены либо на литературоведческом анализе стихов, либо на историко-биографической реконструкции, не ставя задачу культурологической интерпретации судьбы поэта как воплощения региональных архетипов.

Таким образом, анализ степени научной разработанности проблемы позволяет констатировать следующие противоречия, определяющие проблемное поле данной диссертации:

– между потребностью культурологии в инструментах анализа сложных нематериальных объектов (событий, судеб, идентичностей) и недостаточной разработанностью концепта «текстуализация» как целостного процесса и методологии, позволяющего переводить эти объекты в анализируемую текстовую плоскость;

– между наличием разрозненных подходов к изучению культурных кодов в лингвистике, этнографии и семиотике и отсутствием целостной культурологической модели, позволяющей верифицируемо «прочитывать» «тексты судеб» духовных лидеров (поэт как выразитель эпохи) сквозь призму архаических кодов локальной мифологии;

– между широким распространением в культурологии и философии метафоры «человек – текст» и отсутствием системных исследований, которые бы демонстрировали, как именно глубинные архетипические модели реализуются в реальных жизненных траекториях и стратегиях, а не только в художественных образах;

– между высокой актуализацией уральской поэзии и биографий поэтов в современном публичном пространстве и недостаточной культурологической рефлексией этих «текстов судеб» как концентрированного выражения уральской идентичности.

Выявленные противоречия выводят на комплексную ***проблему диссертационного исследования***, которая может быть сформулирована как отсутствие целостного концепта культурологической текстуализации и верифицируемой методологической модели декодирования «текста судьбы» поэта, что ограничивает возможности культурологического анализа региональной идентичности.

Объектом исследования выступает культурологическая текстуализация как целостный феномен.

Предмет исследования – содержательные аспекты культурологической текстуализации, механизмы их воплощения через призму культурного кода в «тексте судьбы» современных уральских поэтов.

Цель исследования – на основе изучения феномена культурологической текстуализации, обосновать и апробировать модель декодирования «текста судьбы» современных уральских поэтов (как значимого аспекта региональной идентичности).

Задачи исследования:

1. Осуществить историко-философскую ретроспективу формирования понятия «текст» в гуманитарном дискурсе (от античности до постнеклассической науки), выявить ключевые этапы его эволюции и содержательные трансформации.
2. Провести анализ современных подходов к тексту в когнитивистике, корпусной лингвистике и исторической текстологии, зафиксировав тенденцию к расширению границ текста и на этой основе сформулировать авторскую дифференциацию ключевых понятий («текст», «язык», «код», «текст культуры», «культурный текст»).
3. Проанализировать бытование термина «текстуализация» в обыденном, художественном и научном дискурсах, выявить его содержательные лакуны и на этой основе сформулировать определение культурологической текстуализации как мыслительной операции, процесса и методологического приема.
4. Разработать теоретические основания интерпретации судьбы поэта как культурного текста, определив соотношение понятий «судьба», «текст судьбы», «поэтосфера», и обосновать специфику культурологической текстуализации поэтической судьбы.
5. Разработать методологическую модель культурологической интерпретации «текста судьбы» современного поэта, основанную на принципе двойной текстуализации, формировании параллельного фольклорно-мифологического корпуса как «проектора» культурного кода региона, обосновав критерии конструирования корпусов.
6. Сконструировать эмпирическую базу исследования: сформировать основной корпус (тексты-фрагменты судьбы ключевых уральских поэтов) и параллельный корпус (сказы П.П. Бажова) с разработкой алгоритма его обработки; осуществить структурно-семиотический анализ параллельного корпуса через бинарные оппозиции для выявления устойчивых архетипов и нормативных категорий, составляющих культурный код Урала.
7. Провести дешифровку «текстов судьбы» уральских поэтов А. Решетова, М. Никулиной, Р. Тягунова и Б. Рыжего сквозь призму

смоделированного культурного кода, верифицируя предложенную методологию и выявляя, как в жизненных стратегиях поэтов реализуются архетипические модели поведения, характерные для уральской культуры.

Научная новизна исследования заключается:

– в осуществлении системной историко-философской ретроспективы понятия «текст» (от античных грамматиков до постнеклассической науки), что позволило выявить логику его эволюции и обосновать предпосылки для введения категории «текстуализация»; в уточнении (на основе анализа современных подходов к тексту в когнитивистике, корпусной лингвистике и исторической текстологии) ключевых понятий: «текст», «код», «текст культуры», «культурный текст»;

– в разработке авторского определения культурологической текстуализации как мыслительной операции, процесса и методологического приема; в анализе использования термина «текстуализация» в обыденном, художественном и научном дискурсах;

– в теоретическом обосновании специфики культурологической текстуализации судьбы поэта (на основе триады «реальная судьба – поэтический образ – текст судьбы/миф», описывающей диалектику становления культурного смысла);

– в разработке оригинальной методологической модели декодирования «текста судьбы» поэта, основанной на принципе аналогии и включающей: формирование основного (исследуемого) и параллельного (фольклорно-мифологического) корпусов, двойную текстуализацию, структурно-семиотический анализ параллельного корпуса для моделирования культурного кода («ключа») и последующую дешифровку основного корпуса. Впервые обоснована гипотеза о структурном сходстве корпусов на основании территориального, типологического (мифопоэтического) и исторического признаков;

– в конструировании и формализованной обработке эмпирической базы (разработка и применение алгоритма работы с корпусом сказов П.П. Бажова); в осуществлении анализа бинарных оппозиций (Человек – Природа; Власть – Народ; Мастер – Власть и др.) выявления и обоснования системы устойчивых архетипических типов уральской культуры (Мастер-творец/чертознай, Мастер-учитель, Мастер-сказитель, Мастер-бунтарь, Мастер-фронтир) как структурных элементов регионального культурного кода;

– в системной дешифровке «текстов судьбы» современных уральских поэтов (А. Решетова, М. Никулиной, Р. Тягунова, Б. Рыжего) сквозь призму смоделированного культурного кода; рассмотрении их жизненных траекторий как воплощения выявленных архетипических моделей уральской культуры.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость работы состоит в разработке и обосновании концепта «культурологическая текстуализация», который обогащает понятийно-категориальный аппарат культурологии, семиотики и философии текста. Предложенная методологическая модель двойной текстуализации и криптоаналитического декодирования культурных текстов создает новый инструментарий для анализа региональной идентичности, механизмов мифотворчества и трансляции культурных смыслов. Выявленные архетипические и нормативные категории уральской культуры вносят вклад в понимание региональной специфики и могут быть использованы для компаративных исследований других локальных культур.

Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их применения в учебных курсах по культурологии, истории культуры, литературоведению, а также в спецкурсах по регионоведению и краеведению. Разработанная методология может быть применена для анализа биографий других выдающихся деятелей культуры.

Значимость подтверждается оценкой результатов проведенного исследования (диплом Лауреата I степени) на XII Международном конкурсе научно-исследовательских работ, организованных Всероссийским обществом научных исследований (30.06.2026 года).

Методология и методы диссертационного исследования.

Исследование осуществлялось на междисциплинарном синтезе общенаучных и специально-гуманитарных методов, что позволило решить поставленные задачи и обеспечить достоверность выводов.

Теоретическая основа исследования базировалась на разработке сравнительно сложного составного концепта «культурологическая текстуализация». Поскольку в актуальном научно-гуманитарном дискурсе этот концепт в целостном виде отсутствует, мы обратились к самостоятельной логике его постепенного развёртывания от уточнения проблемного и во многих отношениях базового, фундаментального междисциплинарного понятия «текст», далее – «текст культуры», «культурный текст» (а также к прикладным для нашего исследования понятиям: «язык», «язык культуры» и «текстотворчество»); после этого – к разработке концепта «текстуализация», затем – «культурологическая текстуализация» и, наконец, к концептам «судьба поэта», «текстуализация судьбы поэта» и «культурологическая текстуализация судьбы современного поэта».

Теоретико-методологическую основу составили следующие подходы и концепции:

– *нормативно-регулятивная теория культуры* (А.Я. Флиер), которая рассматривает культуру как социально-регулятивную программу, генерирующую системы норм, правил и образцов поведения. Данный

подход позволил интерпретировать культурный код не просто как семиотическую систему, а как нормативный каркас, регулирующий социальное поведение. В этом ракурсе архетипические типы уральской культуры (Мастер-творец, Мастер-бунтарь и др.) анализировались не как абстрактные литературные образы, а как действующие нормативные модели, которые предписывают определенные способы поведения и формируют уральскую идентичность.

– *структурно-семиотический подход* (Ф. де Соссюр, Р. Барт, Ю.М. Лотман, У. Эко), трактующий культуру как семиосферу, а текст – как знаковую систему. Ключевыми в данном аспекте представлялись: а) идея Н.А. Симбирцевой о «тексте культуры» как целостном высказывании и «культурном тексте» как его подуровне; б) положение Р. Якобсона о коде как ключе к декодированию сообщения; в) концепция У. Эко о коде как системе соответствий между означающим и означаемым. Указанные положения позволил выявлять и анализировать бинарные оппозиции как нормативные категории, лежащие в основе культурного кода.

– *герменевтический подход* (Ф. Шлейермахер, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, П. Рикёр) использовался на этапе интерпретации «текстов судьбы» поэтов. Метод герменевтического круга, при котором понимание целого (общая траектория судьбы, миф) достигается через интерпретацию частей (отдельные биографические факты, стихи, поступки) и обратно, позволяет преодолевать субъективность интерпретации, удерживая фокус на культурно-историческом контексте. Особое значение придавалось принципу «лучшего понимания» (Ф. Шлейермахер), согласно которому интерпретатор может понять текст (и судьбу как текст) глубже, чем понимал его сам автор, что оправдывает культурологическую реконструкцию скрытых смыслов.

– *философско-антропологический подход* базировался на идеях М.М. Бахтина о «тексте как первичной данности» гуманитарного мышления и диалогической природе человека, а также на положении М. Хайдеггера о языке как «доме бытия». Опора на данные концепции позволила рассматривать жизненный путь человека как потенциальный текст, а поэта – как «хранителя» «дома бытия», чья судьба несет экзистенциальные смыслы для всего сообщества. Кроме того, в данном русле мы обращались к архетипической теории К.Г. Юнга, рассматривая выявленные уральские типы как структурные элементы коллективного бессознательного, функционирующие как «сетка категорий», накладывающаяся на восприятие действительности.

– *метод моделирования и криптоаналитическая аналогия* выступили ключевым инструментом разработки методологической модели декодирования. В диссертации использовалась аналогия с криптографией, где кодтекст (культурный текст) рассматривается как «зашифрованное

сообщение», для дешифровки которого необходимо выявить «указующий механизм» (систему ключей).

Анализ поля источников, прямо или косвенно связанных с рассмотрением метода аналогии, позволил говорить о таких характерных для него характеристик, как: *наглядность* (метафоричность, визуальная насыщенность), *научная инклюзивность* (особая сила, «энергийность», вовлекающая в самостоятельную научную деятельность, что особенно заметно в отношении начинающих исследователей), вытекающая из этого *креативность* (творческая основа и новизна, возможная в рамках работы с аналогией), *междисциплинарность* и *познавательная универсальность* (аналогия, очевидно, нередко оказывается в основе не только научного познания, но и бытового, художественного, поэтического и др.).

В качестве дополнительных методов использовались: *историко-культурный анализ* (для реконструкции эволюции понятия «текст» и периодизации истории науки); *сравнительно-типологический анализ* (для сопоставления основного (поэтического) и параллельного (мифологического) корпусов текстов); *контент-анализ* и *дискурс-анализ* (для выделения ключевых мотивов, концептов и семантических единиц в текстах интервью, биографий, автобиографических очерков и поэтических произведений, составляющих основной корпус).

Метод сплошной выборки применялся для формирования корпуса сказов П.П. Бажова (включены все 56 сказов из полного собрания сочинений).

Эмпирические методы формирования исследовательской базы. Поскольку исследование оперирует большим объемом текстового материала, был разработан и применен формализованный алгоритм работы с корпусом сказов П.П. Бажова (параллельный корпус). Алгоритм включал следующие этапы:

– оцифровка и первичная структуризация;

– гибридная разметка с использованием инструментов ИИ: для каждого сказа был сконструирован специальный промпт (нейросетевой запрос) для нейросети GigaChat с задачей сформировать логлайн (краткий пересказ в 26 словах) и краткую аннотацию (объемом до 500 слов). Использование ИИ на данном этапе было обусловлено необходимостью быстрой первичной маркировки большого массива текстов для последующей систематизации;

– экспертная верификация и коррекция: полученные от нейросети результаты перепроверялись автором диссертации на предмет смысловых ошибок, фактических неточностей и стилистических искажений. Отредактированный текст вносился в итоговый «паспорт» каждого сказа;

– составление «паспорта» текста: для каждой текстовой единицы формировался документ, включающий: наименование и его варианты, время и место первых публикаций, порядковый номер в полном собрании

сочинений, название группы и цикла (по классификации Л.И. Скорино и И.А. Дергачева), логлайн, краткую аннотацию, а также перечень основных персонажей;

– систематизация и табличная кодировка: все «паспортные» данные были сведены в единую таблицу (Таблица 1, Приложение), что позволило значительно упростить последующий структурно-семиотический анализ при поиске бинарных оппозиций, выделении устойчивых типов персонажей и сюжетных мотивов;

– формирование корпуса «текстов-фрагментов судьбы» поэтов (основной корпус) осуществлялся методом целенаправленной выборки из доступных публикаций (поэтические сборники, книги интервью, документальные фильмы, биографические исследования) с охватом всех ключевых периодов жизни каждого поэта.

Эмпирическая база исследования состоит из двух корпусов, сконструированных автором в соответствии с описанной методологией. Основной (исследуемый) корпус представлен «текстами-фрагментами судьбы» четырех ключевых современных уральских поэтов:

1. Алексей Леонидович Решетов (1937–2002): поэтические сборники «Нежность» (1960), «Белый лист» (1964), «Чаша» (1981), «Иная речь» (1994), «Лирика» (1999); документальный фильм Б. Караджева «Иная речь. Вспоминая Алексея Решетова» (2019); биографическая книга К. Гашевой (2020); интервью и публицистические статьи.
2. Майя Петровна Никулина (род. 1937): поэтические сборники «Мой дом и сад» (1969), «Имена» (1979), «Душа права» и «Колея» (1983), «Бабья трава» (1987), «Стихи» (2003), «Стихи 1983-2014» (2014), «Кермек» (2018); документальный фильм М. Чувайловой «Миры Майи» (2022); книга интервью Ю.В. Казарина «Беседы с Майей Никулиной» (2011); автобиографические очерки и статьи («Аркаим – древнейшая история человечества», «Камень. Пещера. Гора»).
3. Роман Львович Тягунов (1962–2000): поэтические тексты, собранные в посмертном сборнике «Мы переводим с русского на русский» (2025); архивные интервью (в т.ч. «Радио Екатеринбург», 2000); мемуары современников (О. Дозморов, Е. Касимов, Ю. Казарин); публикации в журнале «Урал».
4. Борис Борисович Рыжий (1974–2001): прижизненный сборник «…и всё такое…» (2000); посмертные издания (2004 и 2021); дневниковые записи; интервью (ТВ-передача «Магический кристалл», 1999); документальные фильмы А. ван дер Хорст (2008) и А. Рогаткина (2021); биографическая книга И. Фаликова «Борис Рыжий. Дивий камень» (2015).

Положения, выносимые на защиту:

1. Текст как категория культурологии претерпел эволюцию от инструмента анализа языка к самостоятельному методологическому концепту. На основе историко-философской ретроспективы (от античной риторики и экзегетики до постнеклассической науки) в работе показано, что в неклассический период (аналитическая и континентальная философия, структурализм) текст выступал лишь материалом для изучения языка или бытия; его эмансипация происходит только в постнеклассике, что создает предпосылки для введения категории «текстуализация» и требует дифференциации понятий «текст», «язык» и «код».

2. Современные подходы к тексту в когнитивистике, корпусной лингвистике и исторической текстологии демонстрируют тенденцию к расширению его границ до любого результата осмысленной деятельности, что требует терминологического упорядочения. Введена операциональная иерархия: «текст» (вербальное произведение на общеязыковом коде) – «текст» (произведение на ином знаковом коде) – «Текст культуры» (совокупность всех произведений) – «культурный текст» (подуровень) – «артефакт» (устойчивый элемент). Это позволяет преодолеть терминологическую размытость и служит фундаментом для введения понятия «текстуализация» как преобразования невербального кода в вербальный.

3. Культурологическая текстуализация представляет собой не сумму частных приемов, а целостный междисциплинарный концепт, объединяющий процесс, мыслительную операцию и методологию. Она реализуется в трех сферах (обыденной, художественной, научной) и как методологический прием предполагает двойное «встраивание» объекта: сначала в систему культуры (придание статуса культурного текста), затем в систему вербального текста, что наделяет любой нематериальный объект (судьбу, событие, поведение) «презумпцией интерпретируемости». Таким образом, специфика культурологической текстуализации как процесса, мыслительной операции и методологии заключается в «расчленении» внешнего изучаемого объекта и последующего «вписывания», встраивания и преобразования ключевых компонентов его внутренней «видимой» системы с элементами в систему культуры как текста, текста культуры как целого и культурного текста как подсистемы и конкретной представленности её культурных артефактов.

4. Культурологическая текстуализация судьбы понимается как процесс и научный прием «встраивания» текстов-фрагментов судьбы индивида в текстовую систему культуры. Специфика культурологической текстуализации судьбы поэта определяется ее неотделимостью от творчества («жизнетворчество»), статусом поэта как духовного лидера и диалектической триадой «реальная судьба – поэтический образ – текст судьбы (миф)». В отличие от прозаика, судьба поэта сращивается с его

поэзией, а «текст судьбы» становится подуровнем поэтосферы (В.Н. Топоров) и особым культурным мифом, транслирующим нормативные образцы поведения для всего сообщества.

5. Предложенная методологическая модель декодирования «текста судьбы» поэта, основанная на криптоаналитической аналогии, является верифицируемым инструментом культурологического анализа. В работе вводится различие между «указующим механизмом» (произвольный набор кодирующих элементов, выбираемых читателем) и «культурным кодом» как научным методом (статичный, эксплицитно установленный указующий механизм). Модель включает: формирование основного и параллельного корпусов по трем критериям (хронологическому, типологическому, территориальному); двойную текстуализацию; структурно-семиотический анализ параллельного корпуса для моделирования «ключа»; и последующую дешифровку основного корпуса. Это позволяет обеспечить объективность и воспроизводимость интерпретации.

6. Параллельный корпус на основе сказов П.П. Бажова (обработанный по гибридной методике), является валидным «проектором» для моделирования культурного кода Урала. Структурно-семиотический анализ через бинарные оппозиции (Человек – Природа; Власть – Народ; Мастер – Власть; Мастер – Природа) позволил выявить устойчивую систему архетипических типов: Мастер-творец (чертознай) – бескорыстное служение тайному знанию, стратегия дистанцирования от власти и социума; Мастер-учитель/сказитель – нейтральный транслятор традиции, обладающий «мягкой силой» слова; Мастер-бунтарь – открытый конфликт с системой, поддержка природы и народа, посмертная мифологизация; Мастер-фронтир – опасное промежуточное положение между властью и народом, ведущее к маргинализации и гибели. Эти типы аккумулируют нормативные категории (труд, терпение, бескорыстие, неприятие внешнего богатства) и являются ядром культурного кода Урала.

7. «Тексты судьбы» современных уральских поэтов являются прямым воплощением и актуализацией выявленных архетипических моделей, что верифицирует предложенную методологию и доказывает, что поэтосфера Урала – это сгусток региональной идентичности. А. Решетов репрезентирует тип «Поэта-творца», спасающегося в мире природы и «иной речи»; М. Никулина – «Поэта-учителя/сказителя», транслирующего уральские смыслы в мировой культурный контекст; Р. Тягунов – «Поэта-фронтира», чей компромисс с властью и коммерцией (рекламный копирайтинг, работа в предвыборном штабе) привел к трагической гибели; Б. Рыжий – «Поэта-бунтаря», чья судьба стала народным мифом, формирующим нормативную категорию жертвенности за правду. Таким образом, литературно-поэтические стратегии и региональная специфика оказываются неразрывно связанными через глубинные архетипы, что

позволяет говорить о культурном коде Урала как о действующей нормативной программе.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения исследования изложены в 10 публикациях (5 из них – в рецензируемых научных журналах из перечня ВАК РФ; 4 – в изданиях, рекомендованных по научной специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства).

Ключевые аспекты диссертационной работы обсуждались на Международной молодежной научно-практической конференции «Между артхаусом и массовым кино: о стилевых и жанровых границах в киноискусстве» (Москва, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, 2021 г.); XII Международном научно-творческом форуме (научной конференции) «Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века» (Челябинск, Челябинский государственный институт культуры, 2023 г.); IX международной научно-практической конференции «Культурное пространство: генезис и трансформации» (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2024 г.); VIII Международной научно-практической конференции «MEDIAОбразование. Цифровая среда: между позитивом и деструкцией» (Челябинск, Челябинский институт развития профессионального образования, 2024 г.); XI Всероссийской научной конференции с международным участием «Дергачевские чтения-2024. Творческая личность в культурно-исторических и национально-художественных контекстах» (Екатеринбург, Уральский государственный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, 2024 г.); IX Всероссийской научно-теоретической и практической конференции «Социокультурное пространство России: реалии, проблемы и перспективы» (Симферополь – Алупка, 2024); 57-я Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых исследователей (Челябинск, Челябинский государственный институт культуры, 2025 год); Международной научно-практической конференции (XX Колосницынские чтения) «Культурно-историческая память как объект изучения гуманитарных наук» (Екатеринбург, Уральский государственный университет им. Первого Президента РФ Б.Н. Ельцина, 2025 г.); V Международной научно-практической конференции «Диалог культур и цивилизаций в современном образовательном пространстве», посвященной 95-летию МГЛУ (Москва, Московский государственный лингвистический университет, 2025 г.).

Апробация результатов в рамках педагогического процесса осуществлялась: в Челябинском государственном институте культуры по дисциплинам «Анализ текстов культуры», «Теория и технологии экранных искусств»; в Южно-Уральском государственном колледже в рамках

дисциплин «Философия искусства и творчества», «Психология искусства и творчества».

Апробация отдельных результатов исследования осуществлялась:

– при подготовке и реализации (сценарист и режиссер) документального фильма-экскурсии «Дом поэта. Борис Рыжий» по местам жизни, творчества и мифотворчества поэта (2021 год; информация и трейлер фильма размещены на ресурсе «Кинопоиск»);

– при подготовке и реализации (оператор) научно-популярного мультимедийного проекта «URAL SCEINCE» – цикл видеолекций об истории и культуре Южного Урала (страница проекта https://uralscience.ru/);

– в рамках гранта «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)» (грант Российского научного фонда (совместно с органами власти Челябинской области) № 23-18-20098 – при подготовке открытой видеолекции «Культурология археологии» (размещена по адресу: https://rutube.ru/video/53febd4f60a74557f58734960c9e5834);

– в рамках проекта Кинолектория «Соколиный клин» (режиссёр и сценарист), реализуемого ООО «АистМедиа» при финансовой поддержке Президентского Фонда Культурных Инициатив.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства:

– Культурно-историческая память и культурное наследие

– Компоненты культуры (мифология, религия, искусство, образование, просвещение, наука, мораль и др.).

– Семиосфера и концептосфера культуры. Семиозис.

– Семиотический подход к изучению культуры и его модификации

– Методы анализа текстов культуры: дискурс-анализ.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка литературы (215 наименований). Содержание работы изложено на 291 странице.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Глава 1. «Текст в дискурсивном поле гуманитарного знания: концептуальные основания исследования» состоит из двух параграфов.

1.1. Понятие текста в научно-философских концепциях до зарождения общей теории текста (VII вв. до н.э. – середина XX вв.).

В параграфе осуществляется историко-философская ретроспектива понятия «текст». Исходным пунктом служит тезис М.М. Бахтина о тексте как «первичной данности» гуманитарного мышления. Анализ проводится в рамках периодизации В.С. Степина. В доклассический период (от софистов и Аристотеля до Августина) закладываются основы грамматики, риторики и экзегетики. Здесь впервые артикулируется проблема многослойности текста (Ориген, Августин), а также закладываются основы текстологии (александрийская школа). В классический период (XVI-XIX вв.) происходит «революция» Ф. Шлейермахера, создавшего универсальную герменевтику и метод герменевтического круга, что позволило выйти за пределы сакральных текстов. Его идеи развили В. Дильтей (распространив герменевтику на «науки о духе») и Э. Бетти. В неклассический период (конец XIX – середина XX вв.) текст оказывается «в тени языка»: в аналитической философии он понимается как ряд предложений для логического анализа; в континентальной (М. Хайдеггер) – как «дом бытия»; в структурализме (Ф. де Соссюр, Р. Якобсон) – как материал для выявления структур языка. Показано, что, несмотря на разнообразие подходов, текст не выступает в качестве самостоятельного объекта изучения, оставаясь лишь материалом для анализа языка, бытия или структур. Этот историко-философский экскурс демонстрирует логику перехода от текста как материала к тексту как методологическому концепту, что создает базу для введения понятия «текстуализация».

1.2. Формирование общей теории текста и современные подходы постнеклассической науки: от текста – к текстуализации.

Параграф посвящен становлению общей теории текста во второй половине XX века. Социокультурные причины (Вторая мировая война, крах логического позитивизма, антропологический поворот) привели к выделению текста как самостоятельного объекта изучения. В этот период работы Н.С. Поспелова (доказавшего сверхфразовую природу текста), М.М. Бахтина (текст как первичная данность) и развитие семиотики создали фундамент для новой науки. Рассматриваются современные подходы: когнитивистика (текст как динамический процесс, изучение ненормативных и мультимодальных текстов, онлайн-методы); корпусная лингвистика (текст как часть корпуса, организованного для изучения, а не чтения, требующая разметки и репрезентативности); историческая текстология (И.Н. Данилевский, Д.С. Лихачев), где текст понимается как любое высказывание в вербальной, визуальной или материальной форме.

Этот обзор демонстрирует тенденцию к «текстуализации» любых объектов исследования.

На основе анализа автором диссертации предлагается операциональная иерархия понятий для преодоления терминологической размытости. «Текст» – это вербальное произведение на общеязыковом коде. «Текст» (в кавычках) – произведение на ином знаковом коде (музыкальном, визуальном). «Текст культуры» – совокупность всех произведений, составляющих высказывание о культуре. «Культурный текст» – подуровень, выделенный по дополнительному признаку. «Артефакт» – устойчивый повторяющийся элемент. Культурный код – это «узор» норм, правил и образцов поведения, «вшитый» в ткань всех культурных текстов. Вводится понятие текстуализации как преобразования знакового произведения необщеязыкового кода в произведение общеязыкового кода.

Глава 2. «Культурологическая текстуализация: сущность и специфика преломления в судьбе поэта» состоит из двух параграфов.

2.1. Культурологическая текстуализация: поиск концептуальной определенности. Параграф посвящен разработке авторского концепта культурологической текстуализации. Анализ бытования термина «текстуализация» в различных дискурсах (О.А. Лавренова, Б.Я. Мисонжников, И.П. Лапинская) показывает, что, несмотря на широкую распространенность, эксплицитная дефиниция отсутствует. На основе метода аналогии с понятиями (компьютеризация, систематизация) автор определяет текстуализацию как процесс и мыслительную операцию сведения, освоения (форматирования, преобразования) любого внешнего объекта посредством и в соответствии с текстовой системой. Выделяются три сферы бытования текстуализации: обыденная (повседневная коммуникация, автокоммуникация), художественная (творческое осмысление, эстетизация) и научная (объективация знаний, специальный прием). В работе подчеркивается, что в культурологическом анализе особенно важна процедура двойной текстуализации: на первом этапе внешний нетекстовый объект «встраивается» в систему культуры как культурный текст; на втором – этот культурный текст «встраивается» в привычную вербальную текстовую систему для анализа. Специфика культурологической текстуализации как процесса, мыслительной операции и методологии заключается в «расчленении» внешнего изучаемого объекта и последующем «вписывании», встраивании и преобразовании ключевых компонентов его внутренней системы в систему культуры как текста, текста культуры как целого и культурного текста как подсистемы. В итоге формулируется определение: культурологическая текстуализация — это процесс, мыслительная операция и методологический прием, состоящий в преобразовании и «встраивании» внешнего объекта в текстовую систему культуры, что наделяет его «презумпцией интерпретируемости».

2.2. Культурологическая текстуализация судьбы поэта. В параграфе рассматривается специфика применения культурологической текстуализации к судьбе поэта. Идея «человека как текста» разрабатывалась в трудах Ю.М. Лотмана (поэтика бытового поведения, «пьеса судьбы») и А.М. Эткинда («Текст как жизнь – Жизнь как текст»). Показано, что фигура поэта в культуре является особым духовным лидером. В работе вводится диалектическая триада, описывающая становление «текста судьбы»: тезис (реальная судьба поэта) – антитезис (поэтическое отображение судьбы) –синтез («текст судьбы»/миф). Этот синтез становится новым тезисом для последующих витков диалектического развития (научные интерпретации, реинтерпретации), что и составляет суть текстуализации судьбы как непрерывного процесса. Подчеркивается, что судьба поэта неотделима от его творчества (жизнетворчество). В отличие от прозаика, судьба поэта сращивается с его поэзией, а «текст судьбы» становится подуровнем поэтосферы (В.Н. Топоров) – слияния поэтического и реального. Культурологическая текстуализация судьбы определяется как процесс и научный прием «встраивания» текстов-фрагментов судьбы индивида в текстовую систему культуры, где судьба поэта как культурный текст является поликодовым явлением, находящимся на пересечении множества культурных кодов (региональных, национальных, глобальных). Отмечается, что в эпоху глобализации «текст судьбы» становится «экраном», на который проецируются множественные культурные матрицы с множества «проекторов» различных культур.

Глава 3. «“Культурный код” уральского “текста”: методологические основания и пространство литературных репрезентаций» состоит из трех параграфов.

3.1. Культурный код: сущность и принципы дешифровки текста. Параграф посвящен анализу концепта «культурный код» и разработке методологической модели декодирования. На основе анализа научных (Т.В. Болдырева, Ф.Н. Новиков, Юань Мэнмэн) и публицистических источников (С.Б. Переслегин, К. Рапай) предлагается авторское определение: культурный код – это система знаков и правила их употребления, являющиеся «ключом» к смысловой интерпретации текстов, обеспечивающие хранение информации и функцию культурной памяти. Для разработки верифицируемой модели интерпретации автор вводит криптоаналитическую аналогию. Исследователь текста выступает как криптоаналитик, имеющий дело с «закрытым текстом» (кодтекстом). Вводится различие между «указующим механизмом» (произвольный набор кодирующих элементов, выбираемых читателем) и «культурным кодом» как научным методом (статичный, эксплицитно установленный указующий механизм).

Модель декодирования включает следующие этапы:

1) определение текстового объекта по хронологическому, типологическому и территориальному аспектам;
2) формирование основного (исследуемого) и параллельного (эталонного) корпусов;
3) двойная текстуализация обоих объектов;
4) структурно-семиотический анализ параллельного корпуса для моделирования культурного кода («ключа»).
5) дешифровка основного корпуса сквозь призму смоделированного культурного кода.

Обосновывается гипотеза о структурном сходстве корпусов на основании территориального, типологического (мифопоэтического) и исторического признаков. В качестве оптимального параллельного корпуса для исследования региональной идентичности предлагаются тексты локальной мифологии.

3.2. Культурный код Урала: формирование и репрезентация в фольклорно-мифологическом тексте. В параграфе осуществляется апробация методологической модели на материале уральской культуры. Параллельный корпус сконструирован из 56 сказов П.П. Бажова, которые рассматриваются как квинтэссенция уральской мифологии. Корпус был обработан по гибридной методике: оцифровка, гибридная разметка с использованием ИИ (GigaChat) для составления логлайнов и аннотаций, экспертная верификация и систематизация в сводную таблицу.

Структурно-семиотический анализ был осуществлен через бинарные оппозиции (Человек-Природа; Власть-Народ; Мастер-Власть; Мастер-Природа) и позволил выявить устойчивую систему архетипических типов уральской культуры:

– Мастер-творец (чертознай) – бескорыстное служение тайному знанию, стратегия дистанцирования от власти и социума, поиск ресурса в природе.

– Мастер-учитель/сказитель – нейтральный транслятор традиции, передача всей полноты картины мира, обладание «мягкой силой» слова для умеренного бунта.

– Мастер-бунтарь – открытый конфликт с системой, поддержка природы и народа, посмертная мифологизация как народного героя.

– Мастер-фронтир – опасное промежуточное положение между властью и народом, ведущее к маргинализации и гибели.

Эти типы аккумулируют нормативные категории (труд, терпение, бескорыстие, неприятие внешнего богатства) и являются ядром культурного кода Урала, функционируя как архетипы коллективного бессознательного.

3.3. Культурный код уральской поэзии: литературные стратегии и региональная специфика в «тексте судьбы» современных поэтов.

Параграф посвящен дешифровке «текстов судьбы» четырех ключевых уральских поэтов сквозь призму смоделированного культурного кода.

Алексей Решетов репрезентирует тип «Поэта-творца». Его судьба характеризуется устремленностью к созданию «иной речи», поиску «подземной травы» и «косвенного света». Он дистанцируется от власти и социума, находя ресурс в суровой и нежной уральской природе. Его поэзия – это диалог с землей, камнем и Хозяйкой Медной горы, а не с людьми. Он воплощает нормативную категорию бескорыстного творчества и терпения.

Майя Никулина воплощает тип «Поэта-учителя/сказителя». Она является медиатором между уральской природой, мифологией и мировой культурой (Крым, Аркаим, Античность). Ее «текст судьбы» – это трансляция ключевых правил жизни: быть искренним, бескорыстным, рассматривать Урал как часть мировой цивилизации. Ее «поэтические кухни» воспитали целое поколение уральских поэтов, что подтверждает ее функцию сказителя и учителя.

Роман Тягунов является воплощением типа «Поэта-фронтира». Обладая талантом, он поставил свою поэзию на службу коммерции и власти (рекламный копирайтинг, работа в штабе). Его переход в промежуточную зону между творцом и обслуживающим персоналом власти закономерно привел к маргинализации и трагической гибели, что коррелирует с сюжетом сказа «Сочневы камушки» и соответствующей архетипической модели.

Борис Рыжий воплощает тип «Поэта-бунтаря». Его «текст судьбы» дает голос уральскому народу, показывает обратную сторону Урала – его жестокость и суровость. Он не может укрыться в природе или мифологии; единственное место счастья для него – «за закатной полосой», в потустороннем мире. Его ранний уход и поэзия сделали его народным мифом, воплощающим нормативную категорию жертвенности за правду.

Таким образом, «тексты судьбы» поэтов являются прямым воплощением выявленных архетипов, что верифицирует предложенную методологию и доказывает, что поэтосфера Урала – это сгусток региональной идентичности.

В **заключении** диссертации подводятся итоги исследования и формулируются выводы. Показано, что проведенное исследование позволило концептуализировать культурологическую текстуализацию как процесс и методологию, а также обосновать и апробировать модель декодирования «текста судьбы» современного поэта. Полученные результаты позволяют утверждать, что поэтосфера Урала является «сгустком» региональной культурной идентичности, а литературно-поэтические стратегии и региональная специфика неразрывно связаны через глубинные архетипы, которые функционируют как действующая нормативная программа.

В перспективах исследования выделены два направления. Первое связано с углубленным изучением текстуализации судьбы поэтов («интенсивное» – изучение безызвестных поэтов; «экстенсивное» – сопоставление судеб поэтов разных культур). Второе направление – методологическое: разработка электронного культурологического корпуса (аналогичного корпусной лингвистике) и развитие трансверсальной методологии, предполагающей использование множества параллельных корпусов для многоаспектного анализа объекта.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ:

по научной специальности 5.10.1 – Теория и история культуры, искусства

1. Дробышев, А. В. Метод аналогии в культурологическом исследовании: от универсальных смыслов – к иллюстрирующему кейсу «культурного кода» / А. В. Дробышев // Вестник культуры и искусств. – 2023. – № 4(76). – С. 51-62.
2. Дробышев, А. В. Концепт «культурный код» как универсальный методологический инструмент в гуманитарных дисциплинах / А. В. Дробышев // Челябинский гуманитарий. – 2024. – № 2(67). – С. 32-45.
3. Дробышев, А. В. Культурология археологии: текст – код – система повторов и авторитетов / А. В. Дробышев // Russian Studies in Culture and Society. – 2024. – Т. 8, № 4. – С. 36-61.
4. Дробышев, А. В. Культурология как криптоанализ: к проблеме методов декодирования мемориальных пространств / А. В. Дробышев // Челябинский гуманитарий. – 2026. – № 2(75). – С. 25-39.

по иным специальностям:

5. Дробышев, А. В. Г. Б. Зданович как поэтическая фигура в локальном культурном тексте Южного Урала (к проблеме информационно-символического капитала места) / А. В. Дробышев // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2025. – № 4(58). – С. 36-49.

Тезисы докладов на научных конференциях, статьи в научных журналах и сборниках научных трудов

6. Дробышев, А. В. Уральская поэзия и кинематограф: логика медийного и культурного симбиоза / А. В. Дробышев //

MEDIAОбразование. Цифровая среда: между позитивом и деструкцией : Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 21–23 ноября 2023 года. – Челябинск: Челябинский институт развития профессионального образования, 2024. – С. 336-339.
7. Дробышев, А. В. Аркаим как текст: генезис, трансформация и синтез кодов / А. В. Дробышев // Культурное пространство: генезис и трансформации : Тезисы докладов IX международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24–25 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 2024. – С. 34-35.
8. Дробышев, А. В. Литературные стратегии как объект исследования: к постановке проблемы / А. В. Дробышев // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века : Материалы Международного научно-творческого форума (научной конференции), Челябинск, 24–25 ноября 2022 года. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2023. – С. 36-41.
9. Дробышев, А. В. Нравственность как поэтическая ответственность высшего порядка: опыт философско-культурологического эссе / А. В. Дробышев // Научные школы. Молодежь в науке и культуре XXI века : материалы XXII Международного научно-творческого форума (научной конференции), Челябинск, 14–15 ноября 2023 года. – Челябинск: Челябинский государственный институт культуры, 2023. – С. 56-61.
10. Дробышев, А. В. Поэтика теледокумента: новаторские приемы реконструкции в документальном телефильме «Дом Поэта. Борис Рыжий» (реж. А. Дробышев) / А. В. Дробышев // Между артхаусом и массовым кино: о стилевых и жанровых границах в киноискусстве : Материалы Международной молодежной научно-практической конференции, Москва, 22–24 апреля 2021 года / Под редакцией Д.В. Кобленковой. – Москва: Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, 2021. – С. 90-96.